

КРОКОДИЛ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Рамзея Макдонали да

— И опять, стало быть, околачивайся без места. А уж я ли не услужал? В нитку, можно сказать, вытягивался—и все-таки не сумел потрафить. Даже и не поймешь, в чем тут причина: то ли перестарался, то ли не достарался?.. Уж очень нонче капиталист норовистый пошел: никак ты к нему в самую точку не приспособишься!

Эх, было бы мне с „письмом Зиновьева“ не высказывать... Да ведь угодить хотел. Если и сподличал малость, то, верьте совести, от чистого сердца!

Автора „письма Зиновьева“.

— Отродясь писателем не был, а в какие, можно сказать, международные литературные знаменитости сразу попал! Ежели бы теперь хорошенький вексель чужой фамилией подмахнуть, то и совсем лафа. И международное бы себе, и внутреннее бы создал тогда положение.

Эррио.

— Признать-то, признал и ноту отправил, а в сердце, признаться, екает. Правда, в ноте я такого туману напустил, что сам Пуанкаре своего носа не рассмотрит, а все-таки...

Макдональду, вот, от места откачали. А я и не знаю: поправьт мне по этому случаю или же поле-

веть? Если бы знать, откуда ветер дует... Кто ёго знает, чем и откуда запахнет. На всякий случай, намедни приказал в комнатах демократическим пацифизмом покурить.

Болдуина.

— Как я теперь опять при должности, и вся наша консервативная партия тоже, то пошли мы с Черчиллем и Керзоном в союз записаться. А там и говорят: „Работа ваша, граждане, временная и на короткий срок, почему и нельзя вас записать. И даже на выходное пособие не надейтесь, потому что...“

Тьфу, с нами будь крестная сила!.. И привидится же такое!..

Дежурного секретаря Наркоминдела.

— Вот мы с Георгием Василичем и думаем: что ж, признавать нам теперь деюре Чехословакию или не признавать?.. Признать-то, я полагаю, и можно бы, но пусть она все колчаковские долги в твердой валюте заплатит.

Грамен.

Рис. Н. Денизовского

„КУЛЬТ

(Письмо в

„Уважаемый товарищ Центральная газета! Спешим оповестить вас из нашей деревни Тананыки, над чем уездной УОНОЙ культурное шествование принятое, что уже полгода как таковое состоялось, но следов подобного не заметно и стоит наша деревня Тананыки на том же месте, где и стояла...“

Живут тананыкинцы, с вашего позволения,—по заведенному. Бородатые на печке кряхтят, поворожденные в колыбельках сыреют, а которые подрастающие, те с утра по хозяйству подсобляют, а к закату дня собираются молодежь в свой Культпросвет. И посвидетельствуйте вы пожалуйста медлительной УОНЕ, что хотя на бумаге шествование ихнее обозначенное, ну не видали у нас в Тананыках какая такая УОНА и ежели по незнакомости языка это фирма заграничная, то нам с таковой весьма затруднительно, а то может и вовсе не надо, потому у нас свой культпросвет очень прекрасно функционирует и помещается он на Тананыкинской главной улице безо всякого помещения потому это и есть улица.

Выходят на улицу парни наши в возрасте подпривыжном и к им примыкает женский пол небольшого возраста, только этия держатся в сторонке, как стыдливые от рождения и с намеком на деликатность.

Выходят молодые люди наши со своими инструментами

НЕДОВОЛЬСТВИЕ ЭРРИО

— Ну, уж и жем, я же не признаю долгу... Но как же из этого что признавать долгу...

ПРОСВЕТ“.

редакцию).

по музыкальности и впереди всех с растяжкой на гармошечке идет Михайло Тудычкин; парень столько же и худой сколько возвышенный в росте и следует за ним другая молодежь с гитарой на струне и за ними уже без инструментов поголосастее, кто баском громыхать может, а которые девчонки из женского сословия, те песню в ниточку тонко тянут. И поют все полным голосом Марусю, которая отравилась и идут с етой песней в один конец деревни, и поворачивают с етой песней в обратный конец, а с того конца в другой с етой же песней и так продолжается культпросвет до самого рассвета.

Так что по всей описанной видимости очень все прекрасно у нас с культпросветом, но только в виду наступления осенней слякоти с холодком в непролазности нашей улицы, а также слышаны наши про спецову одежду, то нельзя ли и нашему культпросвету на счет этого пожить? Одежда у наших молодцов худая, сапог нету и свободная вещь застынуть в таком виде можно, ежели всю ночь по культпросветному делу глотку драть на улице под дождичком“.

В ожидании спецовою одежды для культпросветных надобностей культпросвет Тананыкина.

Все вышеизложенное подтверждаю Л. Митницкий.

СТРАНИЧКА СЕЛЬКОРА И РАБКОРА.

Рис. К. Ротова.

КАК ПРЕСЛЕДОВАТЬ РАБКОРА.

Проект инструкции.

Каждый не слишком красный, но уважающий себя администратор хорошо понимает, что рабкора никак нельзя не преследовать. Если его, чорта, не ставить на точку, то он, чорт, сам поставит тебя на точку и даже может повредить твоей карьере. Так что вопрос, в сущности, ясен.

Преследовать рабкора надо, однако, с умом. Дурацкое дело—нехитрое, но много ли пользы от дурацкого дела? Нет, дельце нужно обмозговывать так, чтобы не только комар, но и никто носа не подточил. Преследование должно быть тонким, нежным и деликатным, как французский язык, как советская машинистка из треста, как просьба служащего о выдаче аванса в счет жалованья.

В целях постановки преследования рабкоров на должную техническую высоту, следовало бы разработать соответствующую инструкцию и разослать ее по административно-хозяйственной линии... За основу рекомендуется принять нижеследующее:

„§ 1. Рабочая печать является одним из драгоценнейших завоеваний революции, а посему всякого рода попытки ограничить свободу деятельности рабкора преступны и недопустимы“.

Маленькое примечание. Когда я это прочитал одному... знакомому, он взвыл:

— Да ты околпел! Какое же тут преследование?

Я сказал:

— Дорогой мой, чему вас там учат? Недаром говорится: „Век сиди, век судись, а совдураком помрешь!“ Ты молчи да слушай...

И прочитал дальше:

„§ 2. Дабы предоставить рабкору возможность уделять достаточное количество времени и внимания литературным обязанностям, надлежит переводить одного на работу простейшей квалификации, хотя бы таковой перевод и сопровождался снижением на 2—3 и более тарифных разряда“.

— Это... не плохо!—не вытерпел мой знакомый.

— А ты молчи,—повторил я.—Можно снизить и на пять разрядов, ибо интересы рабочей печати выше тарифных соображений.

И прочитал следующий параграф:

„3. В особо-уважительных случаях рабкор, по инициативе администрации, может быть и совершенно освобожден от работы по фабрике, с предоставлением ему, однако, законного выходного пособия в размере двухнедельного заработка и с учинением полного расчета за проработанное время“.

— Это... правильно!—прошептал мой знакомый.

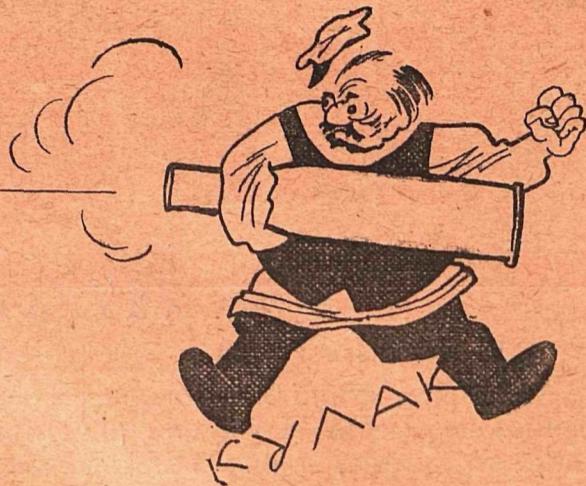
— А как же иначе?—сказал я.—Интересы рабкора должны быть ограждены от административного произвола!

И прочитал пункт последний:

„§ 4. Лица, виновные в причинении рабкору увечий или в вооруженном посягательстве на его жизнь, буде таковое произойдет на территории фабрики, подлежат взысканиям, установленным за нарушение правил внутреннего распорядка“.

Этот проект не предусматривает, разумеется, всех тех случаев и подробностей, которые могут выявиться на практике. Его необходимо (в порядке комиссионной работы) уточнить, детализировать и проработать применительно к местным условиям.

Ник. Иванов.

Пулей пера не перешибешь.

ПЕСНЬ О СМЕЛОМ СЕЛЬКОРЕ.

Как ныне собирается Ваня-Селькор
Заметку отправить в газету,
Что лавочник Псой—надувало и вор,
Что мил тот кулак сельсовету...
За правду бороться—Ванюхин удел,
Присел он к столу и пером заскрипел.
Из хаты ближайшей приходит к нему
Пузач—мирод Федор Ферапонтов:
— Гляди-ка, упрячем-те, паря, в тюрьму,
Коль слушать не будешь резонтов!
Мораль не пушай,—береги, слышь, бока...
Иль хочешь отведать кулак кулака?
Из хаты второй, словно бешеный бык,
Бежит самогонщица Фекла:
— Меня ты не трожь, прикуси свой язык,
Иль выбью-те в хате все стекла!
Хушь мне начихать на газетку твою,
Но я, между прочим, за слово убью!..
И знахарь несетя, грозя с торжеством
Селькору, детиска и бабе:
— Задень-ка,—я вас обложу колдовством
И... „матом“, в уездном масштабе!
Имею волшебный такой порошок,
Что треснете сразу, как старый горшок!
Попа Амфилохия тож принесло:
— Духовную тронь-ка особу,—
Вмиг, будешь анафеме предан зело
И к дьяволу внидешь в утробу!
К сему же, от сраму спасая свой сан,
Кадилком набью-те сусала, Иван!..
Немало еще побывало их тут,
На боровов диких, похожих...
Жена в перепуге, детишки ревут,
Дед шамкает с печки:—Не трожь их!
— Ох, Ваня, бросай поскорее селькорь:
Она вить опасней, чем всякая хворь!..
Сомненье хлестнуло по сердцу, как бич:
Конца нет угрозам... Обидам...
Но смотрит со стенки, прищурясь, Ильич:
— Пиши, мол, братиска! Не выдам!..
В ответ Ильичу наш рабкор подмигнул,
Даешь!—И в чернила перо обмокнул...

Красное жало.

Рис. Н. Д.

НАШЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ.

Кар-раул! Еще одно гонение на рабкора!

Пора положить конец наглости буржуазии. Мы публикуем здесь имя и должность этого несчастного, который лишен всех прав и устранен от работы.

Его фамилия—Макдональд. Должность его... гм... это и есть „Рабкор,“—раб короля.

МУЧЕНИК ИДЕИ.

Заводская контора. Щелкают счеты, трещит „Ундервуд“, бегают люди с бумажками.

За столом, сплошь заваленным папками, книгами и книжечками сидит, согнувшись испитой тщедушный конторщик Кротов. На носу неуклюжие очки, за очками усталые выпуклые глаза. И когда он вытягивает из широкого ворота длинную тонкую шею—он похож на черепаху. Но перо и костяшки счетов бегают под его руками совсем не по черепаши. Кротов спешит.

Около кротовского стола, покачиваясь на каблуках, дожевывает бутерброд другой конторщик, Замойский, изящно оттопырив мизинец. Он доволен собой, своей новой цветной жилеткой и даже бутербродом. Ему хочется говорить и красоваться.

— Удивляюсь вам, Иван Петрович,—говорит он Кротову.— Просто удивляюсь! Человек вы молодой, моих же лет, а такой отсталый. Уж не говоря о внешности... Возьмем саму работу... Сейчас всюду, можно сказать, в самый центр поставлен вопрос об экономии времени, о поднятии производительности труда, выражаясь фигурально—о НОТ'е... А вы? Вы работаете по старинке! Вот, например, эта ведомость, которую вы составляете... Дайте-ка ее сюда на минутку!..

— Не трогайте, пожалуйста!

— Ну, вот! Напрасно вы ее вырвали. Я хотел вам только показать, что в будущем для такой ведомости вы потратите промежуток в две-три минуты. Правда, мы еще далеки от этого, но... надо же, наконец, учиться.

И бросив очаровательный взгляд на притихшую на секунду машинистку, Замойский продолжает:

— Или возьмите, например, ваши расчетные книжки. Вот беру наудачу первую попавшуюся... Научная организация труда...

— Идите вы к чорту с вашей организацией! Положите книжку на место и... и не мешайте, пожалуйста!

Замойский высоко вскидывает брови:

— Я мешаю? Как вам это понравится? Я—мешаю! Сразу видна ваша отсталость. Разве действительно занятому человеку может что-либо мешать? Надо только найти установку... э-э-э... уметь сосредоточить все свое внимание... э-э-э... в работу... Человек должен работать под гром пушек, при любых обстоятельствах...

— Ну и катитесь вы к вашим пушкам! Семьдесят один на четырнадцать, плюс... О, чорт! Опять сбился! Да уйдете вы, наконец, от стола или нет?

Замойский разводит руками и расшаркивается:

— Ну вот! Вот вам яркий пример. Вы сердитесь, нервничаете,—а между тем основное состояние при работе это... это я бы сказал... э-э-э... активное спокойствие. Никакой спешки, злости, нервности. Если вы сердитесь—крышка! Вы не работник!

Кротов бросает перо и беспомощно хватается за холодный стакан чая. Чай холоден, как лед и на перламутровой поверхности его—не то пыль, не то пепел.

— О, чорт! Даже горло промочить нечем!

Замойский хитро прищуривается:

— Вот видите, дорогой! Вам не удастся даже выпить чаю, а подумали вы: отчего мол это? Подумали вы, в чем причина? Почему, мол, Замойский пьет, и Вера Константиновна пьет, а я не успеваю? В чем, мол, дело?

Кротов захлебывается воздухом и вскипает:

— А в том дело, что сегодня в шесть выдача жалованья! Срочно! Поняли? Директор приходил! Поняли? К празднику! Поняли? И не мешайте! Поняли? Чортова кукла вы! Поняли?

Замойский сразу теряет апломб и внушительность. Он забыл даже обидеться.

— Жалованье... Значит, мы тоже сегодня получим?.. Иван Петрович!..

Кротов молчит.

— Иван Петрович! Вы и на служащих ведомость готовите? Иван Петрович!.. Ива...

Кротов бросает перо и безмолвно смотрит на Замойского. Во взгляде его такая отчаянная, неприкрашенная человеческая злоба, что Замойский умолкает и невольно отводит взор.

Замолкает машинистка, стихают перья регистраторов, насторожился курьер у двери. И в общей тишине звучит свистящий глухой гневный шепот Кротова:

— Так ты сукин сын так-то? Так ты нас всех без жалованья оставил! Учитель чортов! Агитатор! Три часа тут змеей у стола вился—а у самого ведомость не сделана... Так ты...

Замойский беспомощно кидается к столу, нелепо двигает ящичками, ерошит пробор, щелкает раза два на счетах и снова подбегает к Кротову:

— Иван Петрович! Дорогой! Миленький! Прости, ну прости! Бросьте вы там вашу дурацкую ведомость. Помогите, а? Мы сейчас в две минуты! А? Как же без денег? Я же не могу без денег! В ваших же интересах! А? Иван Петрович?

Машинистка бросает на Замойского взгляд полный гадливости и презрения.

Часы показывают без четверти шесть...

Вас. Лебедев-Кумач.

О НОСОВОМ ПЛАТКЕ И ЛИГЕ НАЦИЙ.

Шьют в Тифлисе из рогами
По особому заказу—
Носовой платок! Хороший!
Лиге Наций от Кавказа!
А поднесен будет в дар он
Потому что, может статься,—
В нефти чуточку замаран
Длинный носик Лиги Наций!

Зажигалка.

ЗАМЕСТИТЕЛИ.

- Слышали, коллега? Я вчера замещал Макдональда.
- Это—что! Я, вот, Зиновьева замещал.
- Как так?!
- Очень просто: писал за него подложное письмо к английским коммунистам!

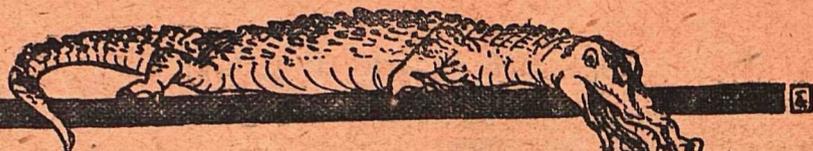
СУХАРЕВА БАШНЯ В ОПАСНОСТИ.

Рис. Ю. Купреянова.

Мост, выстроенный между с. Всехсвятским и Петровским парком, на третий день пропал.

- Проходите, граждане! Не скопляйтесь возле башни!
- Гражданин милицейский, для чего же вы башню охраняете?
- От кражи охраняем. Ежели в Петровском парке цельный мост сперли, значит, доберутся и до башни.

„ИТИСЕНФИКАЦИЯ“

Иван Митрич Швов сидел в кожаной лавочке у своего закадычного приятеля Дмитрия Егоровича Гыжина, по прозвищу бубны. Прозвали его так соседние сидельцы за привычку, предлагая покупателям товар, на каждой подошве и подметке выделывать костяшками пальцев самые сложные музыкальные номера. И сейчас, держа в руках кусок кожи и выстукивая по ней какую-то лихую дробь, Дмитрий Егорович говорил покупателю, громадному рыжему детине:

— Помилуйте-с, ежели эта подошва не спиртовая, так вам, извините-с, не подошвы бы покупать, а мочеными яблоками торговать. Обратите внимание господин—этой подошве сносу не будет—не теперешней ведь выделки, не советская. И отдаю задарма.

Рыжий молча взял кожу, зачем-то понюхал ее и уронив на ходу „не подходит“ бросил кожу на прилавок и вышел из лавочки.

Дмитрий Егорович даже не порывался его остановить. Сев на низенький стул у прилавка, он вытер очки зеленым передником и снова водрузив их на нос, обратился к Ивану Митричу.

— Расскажи, слышь, толком, что же это у тебя вышло-то, а?

Иван Митрич вздохнул и махнул рукой.

— Обнаковенно, как и у всех. Одно не пойму, как это люди газеты чи-

тают, зачем? Вот и я тоже—взял, это третьеводни газетку, читаю итисенфикация труда. Ну, конечно, мы сами люди трудовые, и нас подобные вопросы очень даже интересуют—надо думаю прочитать, какая такая итисенфикация. Прочитал и обрадовался,—то-сть так обстоятельно написано; дескать, разленился народ и работать стали тихо, нужно, мол, с этим бороться и повышать производительность то-есть, НОТ,—да не просто, а с прижимом. Приятно! Пошел, значит, я в мастерскую, а газетку с собой тащу. Вошел, вижу у мастеров вид сугубный,—ну, думаю, наверно уже сами прочитали. Встал я посерединке, газетку разворачиваю, а они все так глазами за мной и водят. Вот, говорю, ребяташки в газетах жалуются, что работа плохо идет, выработка маловата. А как каждому гражданину, который честный, это очень даже обидно, потому из-за этого дороговизна, и как теперь итисенфикация, будете теперь до 8 часов работать для выработки. Молчат они все. Вестимо неприятно до 8 грохать, а ничего не поделаешь—такая уж полоса подошла!

— Один только Вацька Хмыч, знаешь ведь его—шебаршной мужиченко, даром что золотые руки,—сплюнул этак обидно на сторону и говорит:—вы, хозяин, нам лекции не читайте, мы насчет нормы-тарифа и рабочего времени у районного инспектора справимся, а что вы говорите, так на это нам, тьфу!

Видал такого ирода! Ну я, конечно, марку выдерживаю: инспектору, говорю, кому другому, меня это не касается, как я на точке зрения НОТ'а,—повернулся и пошел, на квартиру, к себе то-есть. Смотрю в 6 не шабашили, до 8 просидели.

— Ну, думаю, наладил—и так мне даже умильно стало. А вчера вдруг приходит инспектор:—Вы, — говорит, — будете гражданин Швов?

— Я-с, говорю.

— Так вот поступило заявление, будто у вас мастера до 8 работают.

— И это,—говорю,—правильно.

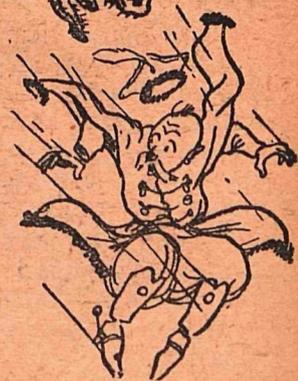
— А на каком-таком основании?

Тут-то я ему и загнул: прочитайте, товарищ инспектор, про итисенфикацию в газетке, авось у вас мозги прояснятся.

А он мне,—спасибо, гражданин, уже прояснились,—вижу, что вы для общества вредный элемент есть через свою аксплуатационную привычку и для меры пресечения прошу производить работы до 6, а Вам придется в Трудсессии про 132 статью разговаривать.

— Сегодня уже и повестку прислали,—грустно добавил Иван Митрич,—вот тебе и итисенфикация!

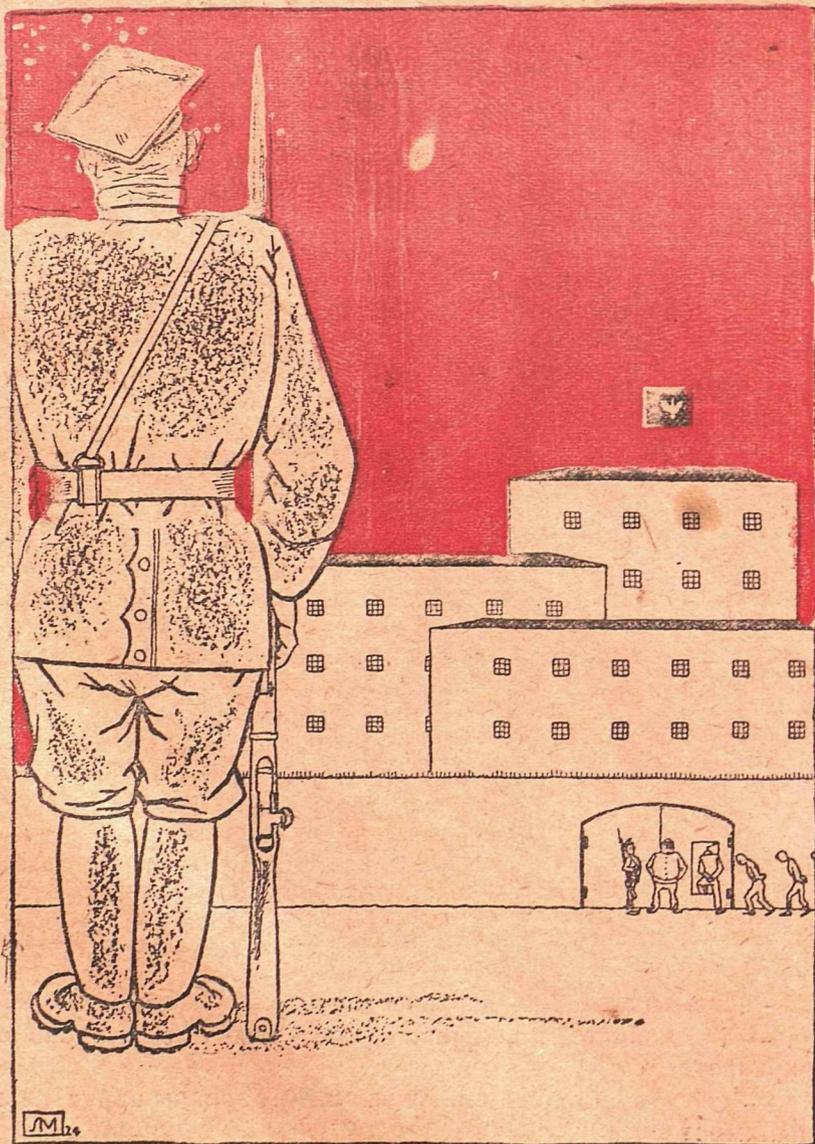
Анго.

СЕЗОН ДЛЯ ОХРАНКИ.

Рис. Л. М.

Октябрь—месяц усиленных арестов в Польше.

Никто не смеет сказать, что в демократической Польше революционный праздник проходит неотмеченным.

ХИТРАЯ НАУКА.

I.

Дорогая Анеточка!

А у меня опять неприятности. Держала я весной экзамен по политграмоте и, представь, провалилась. Я боялась, что они будут спрашивать почему бога нет, а откуда мне знать, почему его нету: у нас этого не проходили. Но они спросили легко: которые государства нас признали? Я и говорю: Англия, говорю, Германия, а еще Великобритания. А как же мне было догадаться, что еще какая-то Норвегия, если я даже не знаю, где бывает такое государство? И тогда мне сказали, чтобы я подучилась и пришла осенью. Можешь себе вообразить, какое наказание все лето в Крыму придется зубрить...

II.

Дорогая Анеточка!

У меня опять неприятности. Держала я в октябре политграмоту и, вообрази, провалилась. Представь, они теперь совсем наоборот: которые государства нас не признали? Я попросила чтобы дали подумать, потому что этого не учила, а потом говорю: Сербия, говорю, Юго-Славия, а еще Черногория. А откуда же мне знать про Чехо-Словакию, и что бывает такая держава?

Главное же в чем досада: из за чего ж я все лето, как дура, заучивала, которые государства нас признали? И даже в самые последние дни пришлось про Францию подучать. Никогда себе этого не прощу!.. А по политграмоте мне никогда не удастся выдержать, если она каждый раз будет новая. Неужели Госиздат не может издать такой учебник, в котором было бы сказано, что отвечать весной и что осенью.

Гр.

СОВЕТСКОЕ ДЕРЕВО.

В Туркестане открыты две новых ж.-д. ветки.

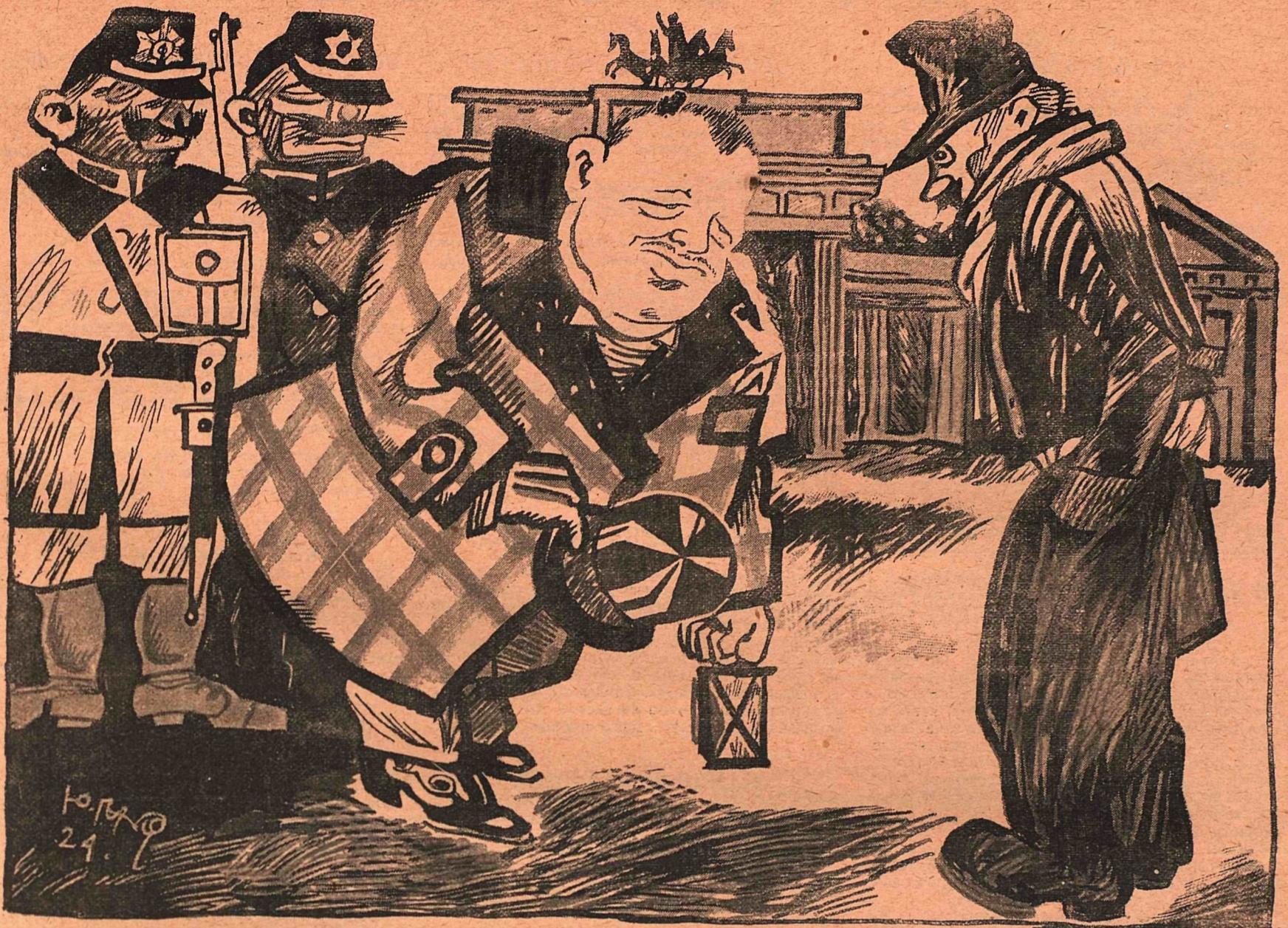
Печаль и слезы в белом стане,—
Две новых ветки в Туркестане!
Из этих веток вывод тот,
Что крепко дерево растет.

М.

СТРАНА, КОТОРАЯ НЕ ИМЕЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Рис. Ю. Ганфа.

Германским правительством распущен рейхстаг. Отдано распоряжение об аресте всех депутатов-коммунистов.

Э Б Е Р Т:—Господин прохожий... Не можете ли мне сказать—где бы найти хорошее правительство?
РАБОЧИЙ:—Могу. Поищи у себя в тюрьмах.

КАРЬЕРА.

(Рассказ с конца).

Некто Данилов поступил в караульную роту, и прослужив восемь дней, скрылся вместе с казенными вещами и одеждой своих случайных знакомых. Губрозыск после усиленных поисков нашел этого „красноармейца“.

Он уже сидел в исправдоме под фамилией Кузнецова—осужден за другую кражу и хулиганство на шесть месяцев. Тюремные товарищи называют его Сутыровым. („Набат“).

Сутырова перевели в другую тюрьму. Тюремный надзиратель тоже признал его:

— Ага! Попался, Мандрыкин! Теперь за все расплатишься!

Оказалось, что Мандрыкин сидел уже в этой тюрьме—за грабеж и полгода тому назад бежал. Дело Мандрыкина переслали следователю.

Следователь долго смотрел на обвиняемого Мандрыкина—Мандрыкин старался спрятать лицо и все время вытирал рукой пот со лба.

— Не прячься,—сурово сказал следователь,—я тебя все равно узнал: ты—Жегалкин, был осужден за покушение

на убийство с корыстной целью и бежал. Ну, что же ты молчишь—сознавайся!

Жегалкин молча согласился. Его перевели в губернский город, как особо важного преступника. Когда его вели под конвоем по улицам, начальник угрозыска обратил внимание на его физиономию. „Где же я такого видел?“ А! Да это Комолов! Он!

— Знаете кого я видел,—поделится он с сотрудниками—Комолова!

— Тридцать семь краж и убийство? Попался?

— Сам видел—под конвоем вели...

Комолова, как серьезного преступника, отправили в Москву. В Бутырках, куда его привели, надзиратели приветствовали его как старого знакомого:

— А! Бульжко! тебя только не хватало! Товарищи по камере были обрадованы еще больше:

— Сенька Хлюст! Опять к нам!

Прокурор, получив дело Сеньки Хлюста надписал на нем:

„Известно, что под кличкой Сенька Хлюст скрывается Каин—главарь бандитской шайки, оперировавшей на Украине. Каин был приговорен к расстрелу и бежал. Доследовать“.

Следователь установил, что Сенька Хлюст действительно—Каин и что раньше еще под кличкой „Белый Дьявол“ он производил дерзкие налеты в тылу красных войск. Под этой кличкой, как говорят, скрывался один из деникинских помощников—лицо видное в белой армии. „Белого Дьявола“ перевели в ГПУ. Там его посетили родственники: шикарно одетая дама и молодой человек с моноклем.

Дьявол поцеловал руку у дамы.

— Серж,—сказала она,—что ж это будет! Какой позор для князей Закатай—Забайкальских!

М. Мухин.

ВИЛЫ В БОК.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Доводится до сведения всех членов профсоюзов и граждан г. Рогачева, что союзом соработников и инспекцией труда организовываются для безработных торговые ларьки. Доброкачественность товара и цены ниже рыночных. Покупайте только в ларьках безработных.

Председатель правления союза соработников *Козакевич*.
Уполномоченный инспекцией труда *Рыбкин*.

Спасибо. Сами пишете, что доброкачественность ниже рыночных, а еще предлагаете только у вас покупать. И не совестно.

СМОЛЕНСКИЕ ЧУДЕСА.

Прочтите протокол смоленского губотдела союза пищевигов от 5 сентября 1924 г. и убедитесь:

С л у ш а л и: П о с т а н о в и л и:
1. Заявление умершего члена союза Штикова о выдаче пособия. 1. Просить бюро кассы взаимопомощи о выдаче ей безвозвратно пособия в размере 50 рублей, *ввиду родов...*

Смоленским сов-чудесам, пожалуй, и попы завидуют...

Интересно, кстати: как поступить „в виду родов“ у умершего члена союза, ходатайствующего о пособии? Крестить новорожденного или октябрь?

В ТОМСКИЙ ГУБОТДЕЛ СОЮЗА НАРПИТ, КОПИЯ ГСПС.

Дорогие товарищи!

На ваш № 910 от 22 августа с. г. во первых должен вас поставить в известность, что никакого игнорирования вашего союза не предполагается, а получается, что сам ГС игнорирует себя в том отношении, что сколько дает обещаний, а не исполняет таковых... На рожон переть я думаю не следует. Конечно, меня запугать тем, что поставите с каким-то выдуманном вами игнорированием перед ГСПС не приходится, этим не проймете, а лучше бы вести дело по товарищески... Мы все время возмемся с вашим месткомом Нарпит и швейпромом, если бы не возмись, то наверное осталось бы только одно воспоминание от таковых... В будущем рекомендую вам товарищи быть похладнокровнее и не пороть горячки.

С приветом Уполномоченный ГСПС по щегловскому уезду *Марков*.

Милый уполномоченный *Марков*, с большим удовольствием всадил в твой бок вилы:— будь хладнокровней, больше не попадайся, а то сам знаешь.

С приветом. Целую „Крокодил“.

ТОВАРИЩ БАНДИТ.

Харьковская газета „Коммунист“ № 224 в заметке, „Бандит Галка“ пишет— „В Шевченском округе имеется несколько сот семейств, пострадавших от бандитских налетов тов. Галки“.

Не хорошо—сам „Коммунист“, а товарищ у него бандит.

СГОВОРЧИВАЯ ТЕТЯ.

Рис. Ю. Г.

— Тетя, а ведь бога-то нету.
— Нету? Ну, и слава богу.

СТРАХ ОТ СТРАХ-КАССЫ!

Егорьевская Страх-касса! Раз'ясни, пожалуйста своему врачу гр. Гольперину, что кидаться с табуреткой на больного не есть подходящий метод лечения. Товарищ Семашко таких методов не одобряет!..

НЕ ПОТЕР-Р-Р-ПЛЮ!!...

Заведующий общим отделом Красноводского Уисполкома, гр-н Кудряшов, разослал по городу следующее извещение:

„Всем Отделам Упробфбюро! С получением сего предлагается вам строго запомнить, что каждую среду в 8 часов утра назначается заседание У. И. К'а и прошу вас являться без особого вызова. В противном случае будете привлекаться к ответственности по 105 ст. Уголовн. Кодекса. Зав. Общ. Отд. Кудряшов“.

Так и написал! И про 105 статью написал!!.. Только по нашему недостаточно эффектно получилось... Ну, что там 105-я статья? Писал бы просто— „виновных буду расстреливать на месте“ вот это было бы дело. И смешно и здорово!!..

КРОКОДИЛОВА ПРОСЬБА.

Товарищ Микишев! Уважаемый начальник милиции Кытлымо-Косовенского Платинового Округа! Пожалей нас! Уж слишком часто о тебе к нам пишут. Обо всем пишут: — и о том, что ты „матом“ кроешь; и о том, что ты из милиционеров деньщиков себе делаешь; и о том, что ты родственничков на службу устраиваешь и еще много о чем—даже о лошади твоей пишут!.. Уймись ты, пожалуйста, а то, право, надоело:— что ни письмо, то что-нибудь новенькое о Микшееве... Даже противно становится!

УБОРНЫЙ УТОПИСТ.

Журналист Орлецкий из „Сибирского Гудка“ говоря о необходимости устроить в саду клуба Н.-Николаевских транспортников женскую уборную говорит: „возможно, что в будущем, когда исчезнет разность полов устройства разных уборных и не потребуются, но сейчас это крайне необходимо!“

К ВРАЧУ—НИКОЛАЙ, ОТ ВРАЧА—СТЕПАНИДА.

Интересный случай произошел на-днях в Петро-заводском Исправдоме.

Арестованный Николай Мозоль, после освидетельствования в больнице исправдома сестрой Баркевич был помещен в мужской камере.

При вторичном освидетельствовании врачом Алимовой было обнаружено, что арестованный не мужчина, а женщина—Степанида Мозоль.

В. Зорин.

„ПИИТ“.

Сергей Есенин в стихотворении „Русь Советская“ („Кр. Новь“, № 5) заявляет:

Я гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.

Можно сказать, скандальная слава!

В том же стихотворении „пиит“ (старенькое слово, специально для рифмы пушечное!) сетует:
И некому мне шляпой поклониться.

А вы бы, товарищ Есенин, попробовали головой кланяться!

КОСМИЧЕСКАЯ КАРТОШКА.

Молодой поэт (В. Наседкин) в „Красной Нови“ (№ 5) в стихотворении „Круговорот“ вешает:

Хотя бы и случайно,
Не мы ли проростаем головой
Надземные космические тайны
И слушаем гортанный гул и вой.

Это картошка проростает, а чтобы головы у людей проростали, кажется, еще не было случая!

БОРЬБА СО СКВЕРНОСЛОВИЕМ.

В „Прожекторе“ (№ 18) в рассказе „Чортон крутень“ (Семена Евгенова) напечатано:
„Старая б...ь!“—буркнул и видит Юфима.
„Прожектор“ не „буркнул“, а так всеми буквами преподнес звучное словечко.

РЖАВЫЕ СТРУЖКИ.

ПРИЯТНОЕ С ПОЛЕЗНЫМ.

В Гомеле существует центральная библиотека-читальня, Найти ее очень трудно. Нет никакой вывески. Висит только небольшое объявление:

СТАВЛЮ БАНКИ.
Во дворе, каменный дом, второй этаж.

Идут гомельцы по этому объявлению и попадают... в библиотеку-читальню.
Хитрые люди в Гомеле.

КОРОТКО И ЯСНО.

Протокол № 35 от 30/IX 1924 г.
Заседания РКК Редкинской Торфопромышленной разработки, присутствовали от торфкома—Андреев и Колышев. От управления: Неструев и Балкин.

Порядок дня:

Вопросов не было, заявлений так-же
Председатель Балкин
Секретарь Колышев.

Коротко и ясно. Только одно непонятно—зачем присутствующие на заседании.
Уж, лучше без них...
Все равно никакой разницы!

ПОТРЯСАЮЩЕЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ.

КИНО-ТЕАТР „УНИОН“ Л.С.Ф.К.

В пятницу 15, в субботу 16, в воскресенье 17 сего августа на экране ставится грандиозная картина, один из лучших и известных боевиков—шедевр Российской кинематографии.

Глубоко потрясающе... Сенсационно... Патетично... Новинка сезона.

КОМБРИГ ИВАНОВ.

Сценарий для этого фильма написан восемью известными литераторами. В картине четыре героини; одна блондинка и три брюнетки; 5000 героев, несколько князей, один граф, 10 белых генералов, 20 офицеров, штаб белогвардейской армии, в числе которой 10 убийц, шесть разбойников, четыре разведенных супруга, один гимназист и три священника.

Картина замечательна не только своим потрясающим сюжетом, пикантной неожиданностью, головокружительными трюками, но и прекрасной игрой артистов, обращающей картину в шедевр самого Рафаэля. Действие происходит одновременно во всех уголках СССР и за границей. Все сцены и персонажи взяты целиком из действительной жизни. Главные эпизоды картины: бой на фронте гражданской войны, пять катастроф, штурм поповского мракобесия, убийства, кражи, нападения, разводы-браки, 1000 великосветских сцен, утопающих в мире страстей, наслаждаясь абсолютным блаженством. Спешите в Кино!

Липецк. Гостипография. У. Ц. Главлит № 51.
Тираж 250.

А сколькими литераторами написано вышеприведенное объявление о „Комбриге Иванове“.

Крокодил полагает, что в составлении этого объявления не участвовал ни один настоящий литератор и что авторами его являются только липовые и только липецкие литераторы!

КАК ЕВРОПА НАСАЖДАЛА МИР И КУЛЬТУРУ В КИТАЕ.

Рис. К. Ротова.

(История без слов).

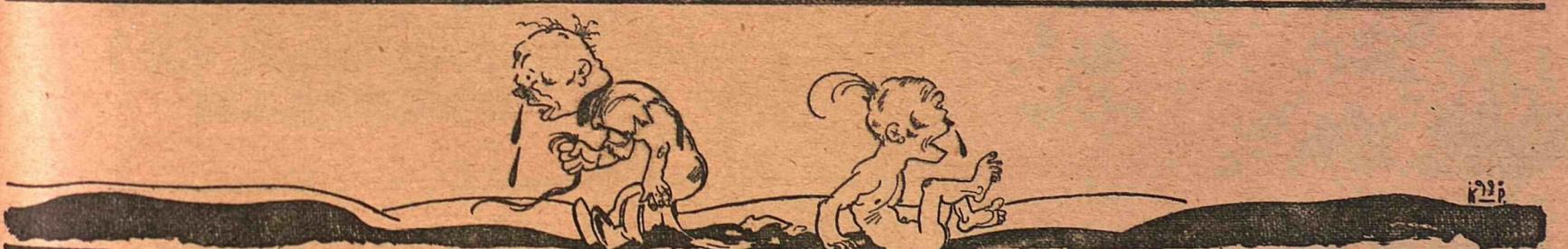
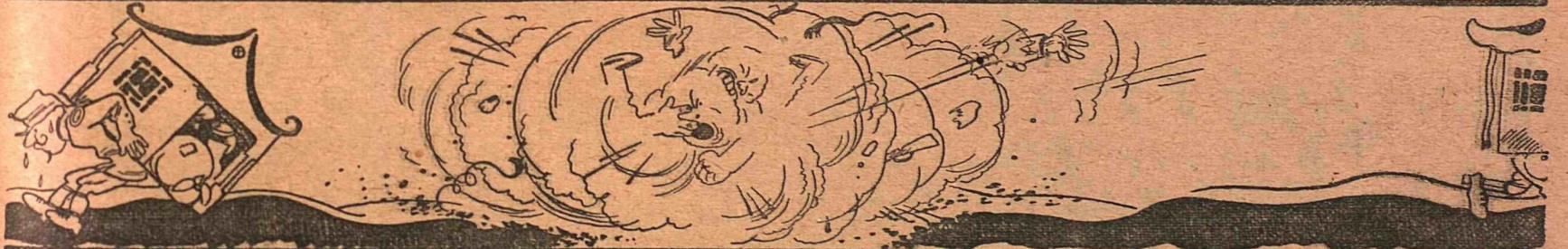
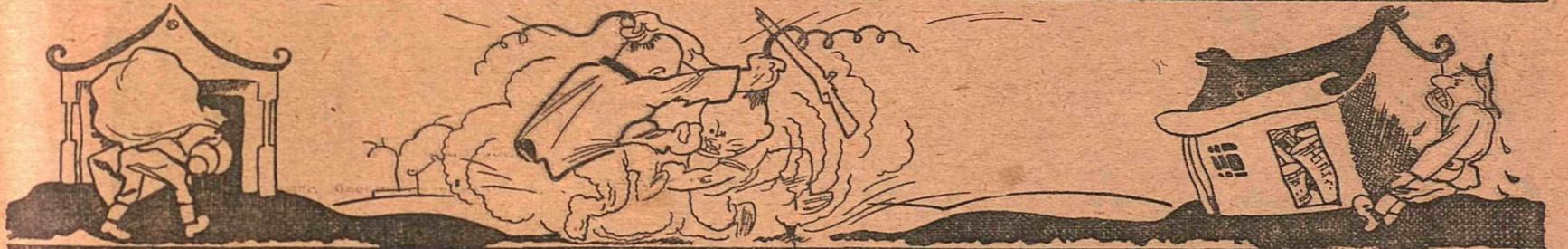
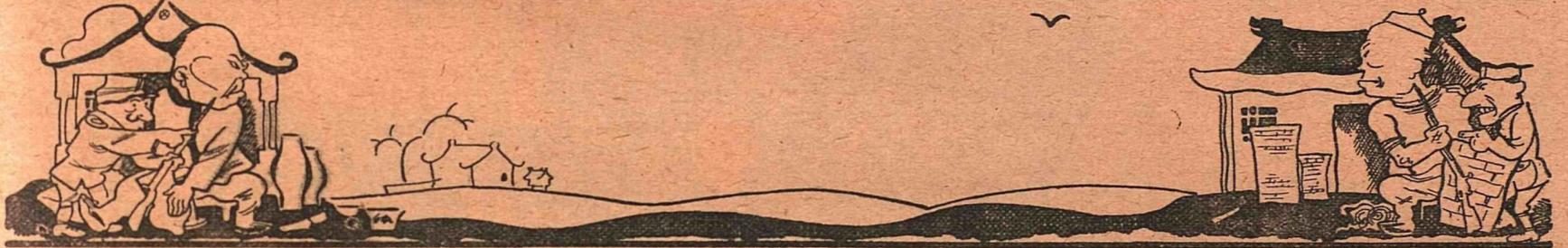
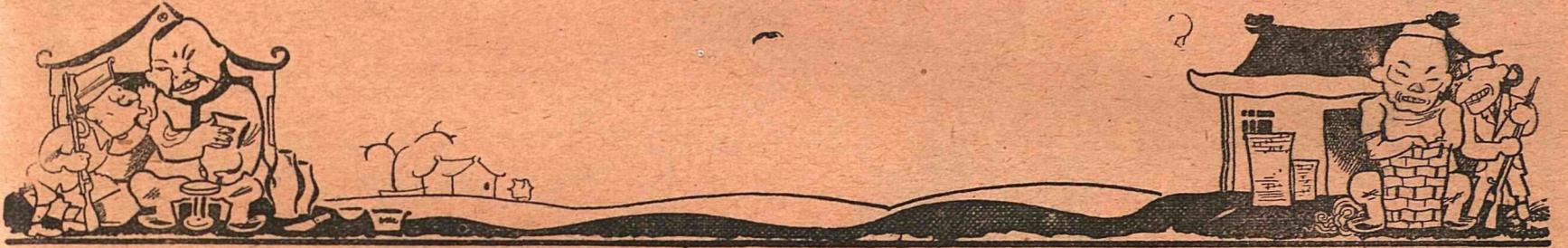
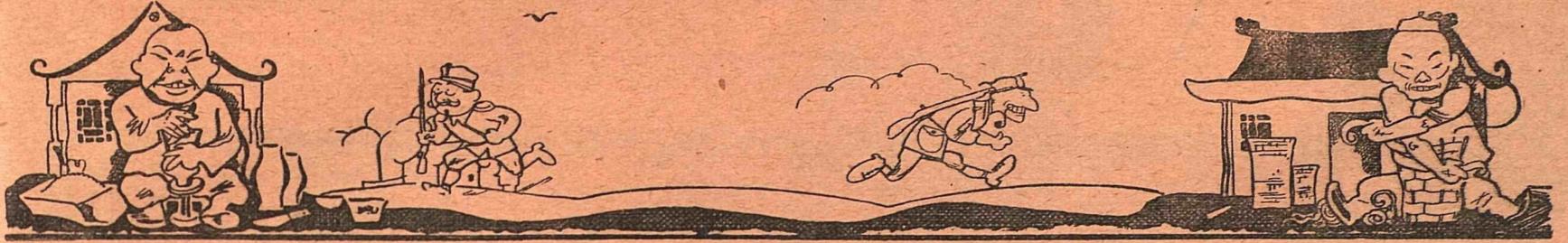
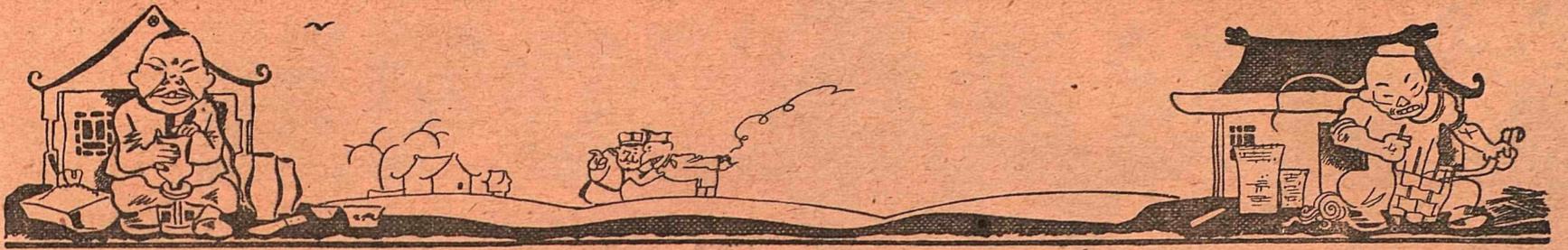

Рис. Н. Купреянов.

ИЗ ПУШКИ ПО ВОРОБЬЯМ.

Из отчета Ленинградского Госиздата явствует, что он выпускает 62 книги в минуту. („Известия ЦИК“).

Орудие довольно скорострельное... Но процент попадания в деревню—слаб.